

Информация для цитирования:

Белошицкая Н. Н. Драматургичность дискурса : когнитивно-прагматический потенциал метамаркера В ТАКОМ ТОНЕ / Н. Н. Белошицкая // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 35—52. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-35-52.

Beloshitskaya, N. N. (2024). Dramaturgy of Discourse: Cognitive-Pragmatic Potential of Metamarker ‘V TAKOM TONE’ [in such a tone]. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 35-52. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-35-52. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Драматургичность
дискурса:
когнитивно-
прагматический
потенциал метамаркера
В ТАКОМ ТОНЕ**

Белошицкая Наталия Николаевна
orcid.org/0000-0002-0899-1828
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра английского языка
n.beloshickay@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

**Dramaturgy of Discourse:
Cognitive-Pragmatic
Potential of Metamarker
‘V TAKOM TONE’
[in such a tone]**

Nataliya N. Beloshitskaya
orcid.org/0000-0002-0899-1828
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English Language
n.beloshickay@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University
(Arkhangelsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Феномен драматургичности дискурса трактуется в статье как планирование и выстраивание языковой личностью эффективной коммуникативной стратегии в конкретных социально-культурных условиях. Методологическим основанием послужили концепции А. В. Олянич, И. Гофмана, Ю. Хабермаса, В. И. Карасика. Речевой оборот «в таком тоне» рассматривается в качестве прагматического метамаркера тактик дискурсивной драматургичности. Материалом исследования послужили текстовые отрывки из художественных произведений в Национальном корпусе русского языка. Было отобрано 74 отрывка с описанием коммуникативных ситуаций, представляющих жанры конфликтного или потенциально конфликтного взаимодействия. В 26 из них метамаркер «в таком тоне» был использован для моделирования ситуаций, относящихся к жанрам личностно-ориентированного дискурса. В 16 отрывках этот метамаркер моделирует ситуации, относящиеся к жанрам статусно-ориентированного дискурса. В 32 отрывках фраза использовалась как метамаркер когнитивного плана. Результаты исследования позволяют сделать вывод о частотности маркирования оборотом «в таком тоне» социальной роли, тактики сохранения социального лица, «искреннего непонимания», угрозы и избегания конфликта. Метамаркер «в таком тоне» помогает адресату интеракции эксплицитировать когнитивный план адресанта — выявить интенции и желания, спрогнозировать смену тактик.

Ключевые слова:

драматургичность дискурса; тональность; коммуникативная тактика; самопрезентация; прагматический метамаркер; языковая личность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The phenomenon of discursive dramaturgy is interpreted in the article as the planning and construction of an effective communicative strategy by the linguistic persona in specific socio-cultural conditions. The methodological basis for this study is provided by the concepts of A. V. Olyanich, I. Hoffman, J. Habermas, and V. I. Karasik. The phrase ‘v takom tone’ [in such a tone] is examined as a pragmatic metamarker of discursive dramaturgy tactics. The research material consists of textual excerpts from literary works in the National Corpus of the Russian. 74 excerpts describing communicative situations representing genres of conflict or potentially conflictual interactions were selected. In 26 of them, the metamarker ‘v takom tone’ [in such a tone] was used to model situations related to genres of personality-oriented discourse. In 16 excerpts, this metamarker models situations related to genres of status-oriented discourse. In 32 excerpts, the phrase was used as a cognitive plan metamarker. The results of the study allow us to conclude about the frequency of marking with the phrase ‘v takom tone’ [in such a tone] of social roles, tactics of maintaining social face, “sincere misunderstanding,” threat, and conflict avoidance. The metamarker ‘v takom tone’ [in such a tone] helps the interaction addressee to explicitize the addressee’s cognitive plan — to identify intentions and desires, predict a change in tactics.

Key words:

discourse dramaturgy; cognitive-pragmatic potential; metamarker; v takom tone; in such a tone.

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-35-52

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Драматургичность дискурса: когнитивно-прагматический потенциал метамаркера В ТАКОМ ТОНЕ

© Белошицкая Н. Н., 2024

1. Введение = Introduction

Драматургичность (то есть постановочность, планируемость, самопрезентация) свойственна любому дискурсу. Сама постановка вопроса о драматургичности дискурса открывает новые перспективы в исследовании факторов эффективности языковой коммуникации. Метафорическое осмысление социальной реальности как театра (театр как модель бытия) и постановочности коммуникативных практик давно вошло в кругозор исследований гуманитарного толка. Детальное реферирование всех накопившихся точек зрения на проявление театральности, драматургичности человеческого общения не входит в задачи работы. Для уточнения методологической основы исследования определим основные подходы. Стоит сослаться прежде всего на социодраматургический подход Ирвинга Гофмана [Гофман, 2000; Гофман, 2003; Гофман, 2009]. Настройка и регулировка самопрезентации в общении занимают центральное место в подходе канадского социолога. Важным тезисом, имеющим эвристическую ценность в рамках данного исследования, служит трактовка исследователем «лица» участников социального взаимодействия. «Похоже, что каждый индивид, субкультура или общество обладают своим характерным репертуаром приемов сохранения лица <...> Тем не менее, определенный набор приемов, выделяемых конкретными людьми или группами, проистекает из единой логически связанной системы возможных приемов. Складывается впечатление, что лицо в силу своей природы может быть сохранено лишь несколькими определенными способами, и каждому социальному сообществу надо сделать свой выбор из этой единой матрицы возможных вариантов» [Гофман, 2009, с. 27]. По сути, исследователь говорит о стратегическом выстраивании языковой личностью эффективной коммуникации, которая определяется коллективным языковым опытом и коллективным знанием, включающим схемы интерпретации смыслов. Это позволяет рассматри-

вать драматургичность как механизм структуризации дискурса. Отдельного внимания заслуживает презентационная теория дискурса, разработанная А. В. Оляничем, которая во многом резонирует с подходом Гофмана. Ученый отмечает, что «обращаясь к когнитивно освоенному и ментально закрепленному информационному тезаурусу, он (человек) извлекает необходимый кластер понятий и концептов, облакает их в языковые формулы и особым образом структурирует свою речь, погружая эти формулы в коммуникацию, создавая соответствующий дискурс» [Олянич, 2004, с. 56]. Суть феномена драматургичности дискурса — прагматическая, что предполагает неизменный учет фактора адресата, а значит, планирование интеракции и прогнозирование тех или иных интерпретаций. Этот тезис нашел отражение и в философской трактовке драматургичности в понятии драматургической деятельности Юргена Хабермаса: «Актор вызывает у своей публики определенный образ, некое впечатление о самом себе <...> в драматургической деятельности ее участники <...> управляют своей интеракцией с помощью регулирования обоюдного доступа к собственной субъективности каждого из них» [Хабермас, 2022, с. 108]. Постановочность манеры осуществления коммуникации, настройка и регулировка презентации себя составляет суть социального символизма в теории этнопсихолингвистики, разработанной А. А. Леонтьевым, Е. Ф. Тарасовым и Ю. А. Сорокиным: «...социальный символизм — весьма своеобразное средство установления социальных отношений между коммуникантами. Коммуниканты намеренно демонстрируют свои действительные или мнимые социальные качества, намеренно выполняя некоторую деятельность таким образом, чтобы ее можно было однозначно идентифицировать с символизируемой речевой деятельностью...» [Тарасов, 1977, с. 93]. Феномен драматургичности социального бытия получил и лингвосемиотическое понимание. Детальный анализ концептуальных характеристик маски представлен В. И. Карасиком [Карасик, 2021, с. 367—382]. По мнению исследователя, коммуникативная маска служит прямым выражением ролевых характеристик, которые, в свою очередь, реализуются в коммуникативной практике [Карасик, 2021, с. 371]. Ролевые характеристики структурируют восприятие социальной реальности, что лежит в основе драматургичности дискурса.

Объектом рассмотрения в данной статье является драматургичность обиходного дискурса и институционального дискурса. Пользуясь терминологией, разработанной В. И. Карасиком, рассматриваем обиходный (бытовой) дискурс как разновидность личностно-ориентированного дискурса, институциональный — как разновидность статусно-ориентированного дискурса. Отметим существенное различие этих видов дискурса: «В первом случае в общении участвуют коммуниканты, хорошо знающие друг

друга, раскрывающие друг другу свой внутренний мир, во втором случае общение сводится к диалогу представителей той или иной социальной группы» [Карасик, 2002, с. 193]. Единицей анализа реализации драматургичности дискурса принимаем коммуникативную (речевую) ситуацию, так как дискретность и динамика нарративной структуры коммуникативной ситуации потенциально позволяет наблюдать развертку дискурсивной деятельности участников ситуации от замысла, интенций до их реализации в виде социальной интеракции, которая, в свою очередь, может иметь планируемый перлокутивный эффект или завершиться коммуникативной неудачей. Структура и характеристики коммуникативной ситуации подверглись подробному рассмотрению в исследованиях прагмалингвистического и социолингвистического толка, см., например: [Карасик, 2007; Прохоров и др., 2016]. Вслед за К. Ф. Седовым полагаем, что формой существования речевой ситуации является жанр [Седов, 2004, с. 69].

Предметом анализа в рамках данной работы являются коммуникативные ситуации, представляющие первичные жанры конфликтного повседневного бытового общения (обиходный дискурс), обслуживающие понятные коммуникативные интенции и конфликтогенные ситуации в статусно-ориентированном дискурсе. Сама жанровая природа общения фиксирует в языковом сознании носителя языка алгоритмы реализации коммуникативных стратегий для эффективного достижения планируемого перлокутивного эффекта. Уместным представляется и стратегический подход к анализу драматургичности. Драматургичность конструирования дискурса субъектом представляется глобальной метастратегией, действие которой определено параметрами категорий социального лица и социальной роли: сохранение лица, соответствие ролевым представлениям и социальным ожиданиям. Неслучайно драматургичность дискурса может принимать акцентированную форму в речевых жанрах ликоповреждающего характера. Для успешного решения коммуникативных задач участникам ситуации требуется тщательно обдумывать, планировать, режиссировать свои коммуникативные ходы таким образом, чтобы реализуемые тактики не только принесли желаемый перлокутивный эффект, но и помогли сохранить социальное лицо. Обращаясь к типологии стратегий, предлагаемых О. С. Иссерс, драматургическая стратегия может быть отнесена к вспомогательным, способствующим эффективной организации коммуникации [Иссерс, 2008]. По мнению исследователя, стратегия — это «когнитивный план общения» [Иссерс, 2008, с. 100]. Структурой когнитивного плана является, прежде всего, замысел высказывания. Исследователь категорий замысла и целеполагания И. Н. Борисова приходит к выводу о том, что «понятия цели общения и коммуникативного замысла актуальны для всех

речевых подсистем, в том числе для разговорной речи, где тоже происходит программирование в порождающем сознании и отбор средств для реализации целевой программы» [Борисова, 2000, с. 243]. Планируемость и прогнозирование результата, в свою очередь, конституируют драматургичность. Реализация речевой стратегии драматургичности предполагает гибкое тактическое переключение участников коммуникативной ситуации. Детальному изучению подверглось распознавание и выявление интенции собеседника в ходе интеракции и прогнозирование его коммуникативных ходов с целью планирования и изменения своей линии речевого поведения в интеракциональной социолингвистике. Дж. Гамперц, предложивший этот подход к анализу дискурса, справедливо утверждает, что «в разговоре участники всегда прибегают к интерпретативной процедуре, посредством которой они выявляют коммуникативные интенции друг друга на протяжении всей интеракции и полагаются на это выводное знание, чтобы планировать и продуцировать свои ответы-реакции» [Gumperz, 2001, с. 219]. (перевод наш. — Н. Б.). Постижение интенции собеседника, считывание сигналов для инференции имплицитного содержания порой облегчаются драматургичностью нарративной развертки адресанта.

Основная задача исследования — выявление реализации стратегии драматургичности с помощью тактик, маркированных прагматическим метамаркером *в таком тоне*. Клишированные обороты, метакоммуникативные элементы, фразеологические единицы и другие средства соблюдения жанрового канона, санкционированные социокультурной нормой, могут служить ключами для выявления способов драматургичности дискурса.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основной аналитический инвентарь исследования составляют следующие понятия: языковая личность, типаж, роль, интенция, импликатура, пресуппозиция, стратегия и тактика речевого поведения. Необходимость использования разных метаязыков в описании драматургичности речевого поведения объясняется задействованием объяснительных моделей смежных направлений лингвистического знания: прагмалингвистики, психолингвистики, теории дискурса, лингвокультурологии в рамках общего когнитивно-дискурсивного подхода. Это обусловлено тем, что в попытках выявить драматургичность речевого поведения неизбежно столкновение с проблемой индивидуального языкового сознания и типичного, собственного усредненной языковой личности в определенных социокультурных обстоятельствах, или, обращаясь к терминологии когнитивной лингвистики, индивидуальной концептуальной системы и коллективной, наци-

ональной. «В реальном общении личностно-индивидуальное и статусно-представительское в человеке неразрывно слиты...» [Карасик, 2002, с. 12].

Для осуществления исследовательских процедур используется комплекс методов. Выбор методов анализа обусловлен поставленной задачей исследования и характером языкового материала. Как было отмечено ранее, драматургичность различных жанров конфликтного общения личностно-ориентированного (обиходного) дискурса и статусно-ориентированного (институционального) дискурса служит предметом рассмотрения в исследовании. Конфликтогенные ситуации демонстрируют ярко выраженные ситуации коммуникативного взаимодействия. Наиболее частотной тактикой реализации стратегий драматургичности полагаем выбор тональности. Тональность — это манера осуществления коммуникации, «модально-характеризующее измерение дискурса» [Карасик 2021]. Отбор дискурсивных отрывков, описывающих необходимую для анализа коммуникативную ситуацию, осуществлялся из текстов художественных произведений, предлагаемых в Национальном корпусе русского языка, с помощью функционально-стилистического метода. Тексты художественной литературы снабжены метакомментариями автора, которые прямо указывают на когнитивные состояния участников ситуации общения. Это несомненный плюс художественных текстов как источника языкового материала. Поиск дискурсивных отрывков осуществлялся с опорой на прагматический метамаркер в виде речевого оборота в таком тоне. Прагматический характер метамаркеров, в частности выражения *в таком тоне*, позволяет выявить интенции, скрытые установки и провокативные тактики. В речевом поведении носителей языка широко используются ключи-сигналы в виде выражений *в таком тоне, в такой манере, в таком духе* и многих других. Акцентированность этих метамаркеров драматургична, так как цель их использования заключается в управлении вниманием собеседника, в попытках контроля ситуации и в сохранении лица.

С помощью метода контекстуального анализа и интерпретативного метода выявлялись имплицитные интенции и установки участников коммуникативной ситуации. Коммуникативно-прагматический метод (или метод прагмалингвистического анализа) был задействован для анализа средств выражения иллокутивной силы, средств речевой агрессии и манипуляции, реализации провокативных стратегий и других случаев нарушения нормы кооперативного общения. Выявление особенностей управления восприятием адресата также осуществлялось с помощью прагмалингвистического анализа.

Следует принять во внимание, что анализ речевого поведения в определенной ситуации невозможен без учета семантики лексических единиц и

понимания их прагматической основы, поэтому сопутствующим методом в исследовании служит семантико-стилистический анализ.

Схема анализа предполагает выявление интенций участников интеракции, обоснование выбора речевой тактики, анализ коррекции речевого поведения в виде смены тактик, анализ соблюдения или несоблюдения норм общения (нарушение также может быть намеренной тактикой), анализ перлокутивного эффекта.

Через поиск точных форм в основном корпусе (подкорпус художественных текстов) был задан запрос «*в таком тоне*». По запросу было обнаружено 95 текстовых отрывков, содержащих 108 вхождений этой фразы. Процедура выявления пригодности отрывков для решения задачи исследования включала первичный лингвистический анализ с целью снятия омонимии и определения жанровой природы ситуации. С учетом характера языкового материала (в этом качестве выступили художественные тексты) необходимо было определить те дискурсивные отрывки, в которых метамаркер *в таком тоне* был использован участниками коммуникативной ситуации в рамках моделируемого автором текста дискурса (лично-ориентированный, статусно-ориентированный), и те, в которых данный метамаркер использовался в несобственно-прямой речи и для отображения потока мысли участника ситуации. Во втором случае данный маркер служит для экспликации когнитивного плана участников социальной интеракции, обнажая постановочность речевого поведения, демонстрируя зарождение замысла или причины смены тактики. В результате пригодными для анализа оказались 74 текстовых отрывка. 42 отрывка описывают коммуникативные ситуации различной дискурсно-жанровой природы. В 32 отрывках фраза использовалась как метамаркер когнитивного плана для экспликации интенций субъекта речи или для указания на планирование им следующих коммуникативных ходов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Коммуникативные ситуации лично-ориентированного дискурса

В первой группе преобладают коммуникативные ситуации, относящиеся к жанрам лично-ориентированного дискурса (обиходного), — 26 дискурсивных отрывков. Можно предположить, что основной тип драматургичности в устном обиходном общении — спонтанный, так как живая коммуникация спонтанна и представляет собой «симультанное разворачивание рече-мысли» [Седов, 2004, с. 13]. Спонтанное поведение представляет интерес в плане анализа стратегии драматургичности. Обнаруженные дискурсивные отрывки относятся к таким жанрам, как семейный разговор,

ссора, выяснение отношений. Эти жанры не предполагают высокой степени осознанности в использовании языковых средств, так как дискурсивная динамика зачастую определяется импульсивно-эмоциональными реакциями и трудно поддается прогнозированию. Тем не менее комплексный анализ описанного выше корпуса дискурсивных отрывков позволяет сделать вывод о ряде типичных сценарных траекторий. Анализируемый метамаркер сигнализирует конфликтный или потенциально-конфликтный характер интеракции в первичных жанрах обиходного дискурса. Отметим, что ракурс анализа языкового материала дает возможность выявления тактик минимизации или избегания конфликта, что приобретает особую актуальность в свете повышенного исследовательского интереса к бесконфликтной коммуникации, например: [Болдырев, 2023; Фурс, 2023]. Стереотипы речевого поведения носителей языка (языковых личностей) чаще актуализируются в социальных интеракциях конфликтного характера. Классификация языковых личностей на основе речевого поведения в конфликте [Горелов и др., 2001] обладает достаточной объяснительной силой и используется при анализе языкового материала в рамках решения задачи этой работы. На основе предпочтительной речевой стратегии в коммуникативном конфликте исследователи выделяют три типа языковых личностей: инвективный, куртуазный и рационально-эвристический [Седов, 2004, с. 91—92]. В обиходном общении выражение *в таком тоне* маркирует постановочность речевого поведения и реализует коммуникативный ход, конституирующий тактику сохранения лица. Данная тактика в таком речевом оформлении свойственна куртуазному и рационально-эвристическому типам языковой личности.

Пример 1: *Вы хотите меня оскорбить, Диана Львовна? Вам это удалось. Позвольте проводить вас до двери. **В таком тоне** я с вами разговаривать не буду. — Перестаньте, Ира, — поморщилась Диана. — Вы моложе меня, значительно моложе, и должны быть снисходительны* (Маринина. Чужая маска) [НКРЯ].

Акцентированная драматургичность речевого поведения первого участника интеракции проявляется в этикетном оформлении своих коммуникативных интенций. Наблюдаем намеренную провокативность вопроса, быструю смену коммуникативных ходов от тактики прямого «вскрытия» интенции собеседника (*вы хотите оскорбить*) к экспликации собственного эмоционально-когнитивного состояния (*это удалось, то есть я оскорблена*) и обоснованию необходимости прекратить неприятную беседу. Последний коммуникативный ход осуществляется через высказывание с прагматическим метамаркером *в таком тоне*. Реакция второго участника интеракции позволяет судить о коммуникативной неудаче первого коммуниканта. Собеседник (второй коммуникант), очевидно, обладает достаточ-

но высокой дискурсивной компетенцией, чтобы перехватить инициативу в интеракции. Второй коммуникант считывает интенцию партнера захватить контроль, о чем позволяют судить и сигнал невербальной реакции *поморщилась*, и комплиментарная тактика сглаживания конфликта *вы моложе, значительно моложе*.

В следующей коммуникативной ситуации также наблюдается акцентированная драматургичность речевого поведения куртуазного типа языковой личности.

Пример 2 *Кто посоветовал залезть в вагон? Я бы сама никогда такой глупости не придумала... идиотства такого... — Вы, кажется, желаете ругаться? Предупреждаю вас, что совершенно не способен поддерживать разговор в таком тоне. — А, тем лучше! Не желаю вовсе разговаривать с вами... — Прекрасно, — декадент помолчал минуту и затем стал обращаться непосредственно к Богу (Тэффи. Забытый путь) [НКРЯ].*

Выстраивание очередности коммуникативных тактик следует алгоритму, подобному тому, который был рассмотрен в примере 1: риторический вопрос — экспликация интенции собеседника — предваряет тактику угрозы-предупреждения. В качестве последней наблюдаем перформативный речевой акт «предупреждение», высокая степень эмоциональности поддерживается маркером *в таком тоне*.

Использование речевого оборота *в таком тоне* в первичных жанрах обиходного дискурса рационально-эвристическим типом личности также маркирует тактики контроля и управления коммуникативной ситуацией. Постановочность реализации общей стратегии коммуникации в этом случае проявляется в большей степени планирования коммуникативных ходов. В обиходном дискурсе сокращенная дистанция общения является нормой, прогнозирование реакции партнера по коммуникации основывается на дискурсивной пресуппозиции, коммуникативной предыстории, то есть хорошем знании привычек речевого поведения собеседника, его типичных реакций. Это, по мнению И. Н. Борисовой, и есть субстрат замысла и условие его возникновения [Борисова, 2000, с. 244]. Драматургичность стратегии рационально-эвристического типа направлена на минимизацию конфликта, сохранение лица.

Пример 3: — *Сидишь?* — *спросила мать входя.* — *Почему не идешь к своей Дульцинее? Поругались-таки?* — *Мама, — вежливо, но твердо сказал Мокшин, — очень тебя прошу, не говори ты о Вале в таком тоне. А лучше тебе вообще о ней помолчать, другой тон у тебя не получится. — Как?! — спросила мать. — Что с тобой?* (Катерли. Зелье) [НКРЯ].

Язвительная тональность первого участника интеракции, реализующая тактику провокации, безошибочно считывается адресатом. Тактика

сохранения лица, выбранная вторым участником ситуации, представлена неожиданным коммуникативным ходом — просьбой. Маркер *в таком тоне* можно рассматривать как сигнал выведенной из коммуникативных ходов первого собеседника агональной имплицатуры, как свертку подразумеваемой характеристики тона: «в таком насмешливом, неуважительном, неуместном тоне». Перлокутивный эффект — потеря первым собеседником контроля в интеракции, удивление, возможное понимание неуместности выбранной тональности — позволяет судить об успешности коммуникативной тактики.

И в жанрах личностно-ориентированного дискурса, и в статусно-ориентированном дискурсе рассматриваемый речевой оборот в большинстве случаев маркирует тактику сохранения лица. В первичных жанрах обиходного дискурса реализация этой тактики через коммуникативный ход с метамаркером *в таком тоне* во многих случаях ведет к коммуникативному провалу. Рассмотренные выше примеры, за исключением примера 3, это иллюстрируют. Как правило, коммуникативные ходы с этим метамаркером провоцируют дальнейший конфликт.

Пример 4: *Сядь! Мы не закончили... Сядь, я говорю! Я не хочу говорить в таком тоне. Какие мы гордые! Хорошо бы эту гордость прибегречь для другого* (Рощин. Валентин и Валентина) [НКРЯ].

3.2. Коммуникативные ситуации в статусно-ориентированном дискурсе

Стоит заметить, что в статусно-ориентированном дискурсе прагматический метамаркер *в таком тоне* может вполне успешно использоваться для реализации тактики сохранения лица в рамках общей драматургии создания и укрепления социального статуса. «Ритуальное поведение строится как строгое соблюдение шаблонных коммуникативных ходов в виде предсказуемых действий» [Карасик, 2021, с. 224].

Пример 5: — *Хочу знать французский язык. — Тебе, девочка, вообще никакого языка не надо, — сказал он со странной усмешкой. Я была с детства очень необидчивая, но понимала, что это плохо, и воспитывала в себе чуткость на insult, поэтому с видом более строгим, чем мне этого хотелось, я сказала: — Пожалуйста, не надо говорить со мной в таком тоне. Он смутился и сказал, что пошутил. И вел себя в остальные занятия безупречно, даже как-то слишком официально* (Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну) [НКРЯ].

В примере 5 (беседа преподавателя и студента) наблюдаем успешную реализацию тактики сохранения лица участником коммуникации с более низким статусом. Благодаря когнитивному плану, представленному мысленной речью субъекта дискурса, очевидно продуманное использование

коммуникативной тактики сохранения лица и самопрезентации себя как человека, который достоин того, чтобы его стремления и желания воспринимались адресатом серьезно — *пожалуйста, не надо говорить со мной в таком тоне*. Планируемый перлокутивный эффект достигнут — собеседник меняет тактику поведения.

Возможен также сценарий, в котором дискурсивно компетентный собеседник готов к такому тактическому ходу своего коммуникативного партнера и реализует не менее драматургично выстроенную тактику «искреннего непонимания».

Пример 6: *Он проверял звучание... — Чтобы проверить звучание, нужно иметь кой-какой аппарат, при помощи которого можно проверить, например, уши! Но если кому-нибудь в детстве... — Я отказываюсь продолжать разговор в таком тоне, — сказал Андрей Андреевич и закрыл папку. — Какой тон?! Какой тон? — изумился Романус. — Я обращаюсь к писателю, пусть он подтвердит свое возмущение по поводу того, как калечат у нас музыкантов! (Булгаков. Записки покойника) [НКРЯ].*

Имитация непонимания — тактика переспроса, нарочитое удивление реакции собеседника, миролюбивая тональность и попытка объяснить могут быть осмыслены в данной коммуникативной ситуации как тактика сохранения лица партнера.

Ритуализация социальных интеракций в статусно-ориентированных типах дискурса обуславливает их более высокую драматургичность. В ситуациях делового общения, когда коммуникативные партнеры обладают равным статусом, речевой ход, маркированный оборотом *в таком тоне*, может нейтрализоваться:

Пример 7: *Немедленно, вы понимаете?! Немедленно! — Я не позволю так с собой! — отвечал Игорь Вячеславович. — Прекратите! Это несерьезно — в таком тоне! Вы не в курилке, коллега! Возьмите себя в руки! — То-то и оно, что не в курилке, — буркнул второй. — Хорошо, тогда давайте срочно эндоскопию (Волос. Недвижимость) [НКРЯ].*

Жанр предлагаемой коммуникативной ситуации можно условно определить как деловой разговор, обсуждение проблемы с коллегами. Эмоциональный накал дискуссии, невозможность прийти к согласию относительно диагноза воспринимается одним из участников как угроза профессиональному лицу (сомнение в компетентности). Тактика сохранения лица актуализирована речевым шаблоном с призывом изменить тон общения. Ироничное осмысление тактики другим участником ситуации нейтрализует патетику эмоционального обращения, неуместного в ситуации, когда предмет обсуждения — спасение жизни больного. Этот коммуникативный ход отрезвляет первого участника и возвращает к рациональному восприятию проблемы.

Обратимся к ситуациям в институциональном дискурсе, когда участники интеракции обладают неравным статусом. Коммуникант в слабой статусной позиции, как правило, маркирует этим оборотом тактику защиты своего социального лица:

Пример 8: — *Я долго терпела ваш тон. Но эти шутки. Для меня это трагедия, а вы... Ищите, если вам что-то надо, **но беседовать в таком тоне!**.. Опер немедленно отступил: — *Тише, тише, успокойтесь. Я же шучу* (Козырева. Дамская охота) [[НКРЯ].*

Участник коммуникативной ситуации, статус которого в этом институциональном формате выше, может использовать данный метамаркер для сигнала тактики угрозы. Наблюдаем реализацию этой тактики в следующем примере — в беседе офицера (представителя власти) и опального ученого:

Пример 9: — *Да, да, — откликнулся отец. Дядя вынул из кармана портсигар, открыл его, достал длинными, тонкими пальцами папиросу, но курить не стал, только сломал ее и бросил на пол. — Вот что, профессор, — сказал он наконец, с трудом подбирая слова. — **Говорить нам с вами в таком тоне бесполезно. Если вы расположены острить, мне остается только сесть в автомобиль и уехать** (Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом) [НКРЯ].*

В обоих случаях агональная имплицитность, маркированная анализируемым метамаркером, легко поддается толкованию в данных жанровых условиях.

3.3. Маркирование социальной роли и типажные представления о поведении

Драматургичность ситуации находит выражение в стереотипности исполнения участниками своих коммуникативных партий. Такое легко прогнозируемое речевое поведение находит концептуальное закрепление в сознании носителей языка в виде лингвокультурного типажа «обобщенного образа представителя определенной социальной группы в рамках конкретной культуры, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик, 2007, с. 37].

Рассматриваемый метамаркер частотен для сигнализации социальной роли, тактики самопрезентации. Импликатура — указание на неуместный тон собеседника и попытка контролировать ход интеракции.

Пример 10: *Нижняя челюсть у отца дрогнула, бородака запырнула. Побледнев от негодования, он дрожащими пальцами застегнул на все пуговицы летнее пальто, поправил пенсне и резким фальцетом закричал: — **Как вы смеете говорить со мной в таком тоне?** Я — преподаватель средне-учебных заведений, коллежский советник Бачей, а это мои дети — Петр и Павел* (Катаев. Беллет парус одинокий) [НКРЯ].

Пример 11: *Но я не позволю в таком тоне разговаривать со мной — русским офицером* (Новиков-Прибой. Цусима) [НКРЯ].

Тональность общения ассоциативно связывается с типовыми представлениями о поведении.

Пример 12: *У этого грека был приятный голос, звучавший необыкновенно искренно и почтительно, именно в таком тоне, не возбуждающем никаких сомнений, как умеют лгать женщинам опытные женолобцы и сладострастники, имевшие в своей жизни множество легких, веселых минутных связей* (Куприн. Морская болезнь) [НКРЯ].

Пример 13: *Когда выяснилось, что Игорь забирает сына пораньше, все дети замолчали и стали смотреть на Игоря и его сына — Тебе ничего не надо забрать? — спросила воспитательница у Игоря сына таким приторным голосом, словно сама верила, что Игорь поверит в то, что она всегда разговаривает с воспитанниками именно в таком тоне* (Сальников. Отдел) [НКРЯ].

Представляют интерес размышления героя о попытке участника коммуникативной ситуации исполнить профессиональные ролевые предписания в соответствии с социальными ожиданиями.

Тональность как индикатор социально одобряемого или стереотипно ожидаемого ролевого исполнения может быть предметом рефлексии субъектов дискурса. В этом случае наблюдения о тактиках речевого поведения, выпадающих из привычного диапазона ролевого исполнения, представляют особый интерес.

Пример 14: *Кто тебя обидел? Ну, скажи мне! боже мой, у тебя такие сумасшедшие, такие жалкие глаза». Это было глупо, смешно и унижительно. Этого он не мог ожидать, даже не мог бы вообразить, что Дуняша или какая-то другая женщина заговорит с ним в таком тоне* (Горький. Жизнь Клима Самгина) [НКРЯ].

3.4. Экспликация когнитивного плана участников

Отдельного внимания заслуживают дискурсивные отрывки, в которых представлен когнитивный план участников интеракции — рефлексия субъекта дискурса о характере интеракции и прогнозирование дальнейших действий, которое реализуется в смене тактики.

Пример 15: *Он, Эдик, предвидит, однако, что дальнейшая дискуссия в таком тоне должна неизбежно выродиться в вульгарное препирательство, на которое Корнеев мастер, и поэтому он, Эдик, просит высказаться по существу дела* (Стругацкие. Сказка о Тройке) [НКРЯ].

Прагматически нерелевантное поведение участников коммуникативной ситуации в виде акцентирования отношений вместо обсуждения сути вопроса имеет тенденцию перерасти в конфликт. Субъект дискурса про-

гнозирует возможный неблагоприятный ход развития сценария и меняет драматургию события с помощью тактики перехвата инициативы.

Пример 16: — *О чем ты думаешь?* — *осведомилась Вера, дочитав письмо.* — *О кактусах.* — *Ты теперь будешь кактусистом, а не хирургом? В ее голосе он услышал явную враждебность: зачем ей разговаривать с ним в таком тоне?* — *Покуда что хирургом мне трудноато быть, — стараясь сдержаться, ответил Устименко* (Герман. Дорогой мой человек) [НКРЯ].

Колкость собеседника и враждебная тональность высказывания не остаются незамеченными вторым участником ситуации. Мы наблюдаем когнитивный план второго субъекта дискурса, который представляет собой попытку подобрать тактику ответного коммуникативного хода для того, чтобы избежать конфликта.

4. Заключение = Conclusions

Исследование дискурса в рамках драматургичности позволяет предложить новый подход к описанию речевого поведения. Данное исследование представляет попытку анализа драматургичности дискурса с опорой на прагматический метамаркер *в таком тоне*. Использование этого речевого оборота актуализируется сценарными вариантами, конституирующими его прагматический потенциал. Можно предположить, что прагматические метамаркеры содержат свернутую информацию как о правилах и нормах коммуникативного поведения, так и о возможных нарушениях норм кооперативного общения. В жанрах конфликтного общения замысел как определение когнитивного плана (то есть стратегии сообщения) осознаваем в большей степени. Это определяется необходимостью затратить больше когнитивных ресурсов для достижения коммуникативной цели, например, минимизировать риски потери социального лица, сохранить социальное лицо партнера, избежать конфликта. На помощь приходят речевые обороты с прагматически сложившимся функционалом, быстро интерпретируемым партнером по коммуникации, что облегчает коммуникативную координацию речевого поведения. Такие речевые обороты (метамаркеры) буквально эксплицируют неуместную тональность собеседника и сигнализируют возможную смену тактик. Как показал анализ языкового материала, речевой оборот *в таком тоне* маркирует возмущение, которое может быть искренним и намеренно-провокативным. Во втором случае этот метамаркер нарочито используется адресантом, например, для того, чтобы вместо обсуждения сути дела перевести фокус интеракции на отношения между участниками. В этом случае наблюдаем постановочный ход и тактика, реализующая стратегию драматургичности, профилируется ярче. Интенции

коммуниканта в случае формулировки высказываний с использованием метамаркеров выявляются партнером по коммуникации довольно быстро и безошибочно. Имитация адресатом непонимания может быть тактикой сохранения лица или провокации дальнейшей агонизации общения. Альтернативным сценарием является вектор избегания конфликта, и в таком случае драматургичность речевого поведения реализуется в другом ключе.

Случаи агонального общения, как правило, актуализируют акцентированную драматургичность. Перлокутивный эффект подобной коммуникации и реакции адресата могут стать основанием для выявления моделей коммуникации с позиции драматургичности в конкретных жанрах разного вида дискурсов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.10.2023).

Литература

1. *Болдырев Н. Н.* Принцип бесконфликтности языковой коммуникации / Н. Н. Болдырев // *Вопросы когнитивной лингвистики*. — 2023. — № 3. — С. 5—15. — DOI: 10.20916/1812-3228-2023-3-5-15.

2. *Борисова И. Н.* Замысел разговорного диалога в структуре коммуникации / И. Н. Борисова // *Культурно-речевая ситуация в современной России* / под ред. Н. А. Купиной. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. — С. 241—272. — ISBN 5-7525-1112-7.

3. *Горелов И. Н.* Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. — Москва : Лабиринт, 2001. — 304 с. — ISBN 5-87604-141-6.

4. *Гофман И.* Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта : пер. с англ. / И. Гофман ; под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. — Москва : Институт социологии РАН, 2003. — 752 с. — ISBN 5-93947-011-4.

5. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман ; пер. с англ. А. Д. Ковалева. — Москва : КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 2000. — 304 с. — ISBN 5-93354-006-4.

6. *Гофман Э.* Ритуал взаимодействия : Очерки поведения лицом к лицу / Э. Гофман ; пер. с англ., под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. — Москва : Смысл, 2009. — 309 с. — ISBN 978-5-89357-276-6.

7. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с. — ISBN 978-5-382-00698-7.

8. *Карасик В. И.* Языковые ключи / В. И. Карасик. — Волгоград : Парадигма, 2007. — 520 с. — ISBN 978-5-903601-03-5.

9. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.

10. Карасик В. И. Языковая пластика общения : монография / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2021. — 536 с. — ISBN 978-5-94244-077-0.
11. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : монография / А. В. Олянич. — Волгоград : Парадигма, 2004. — 507 с.
12. Прохоров Ю. Е. Русские : коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. — Москва : ФЛИНТА, 2007. — 328 с. — ISBN 978-5-89349-812-7.
13. Седов К. Ф. Дискурс и личность : эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. — Москва : Лабиринт, 2004. — 317 с. — ISBN 5-87604-031-2.
14. Тарасов Е. Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте / Е. Ф. Тарасов // Национально-культурная специфика речевого поведения / под ред. А. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. — Москва : "Наука", 1977. — С. 67—95.
15. Фурс Л. А. Бесконфликтная коммуникация : когнитивная основа ее реализации / Л. А. Фурс // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2023. — № 2. — С. 17—23. — DOI: 10.20916/1812-3228-2023-2-17-23.
16. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас ; пер. с нем. А. К. Судакова. — Москва : Весь мир, 2022. — 880 с. — ISBN 978-5-7777-0856-4.
17. Gumperz J. J. Interactional Sociolinguistics : A Personal Perspective / J. J. Gumperz // The Handbook of Discourse Analysis / ed. by Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, and Heidi E. Hamilton. — Oxford : Blackwell Publishers Ltd, 2001. — P. 215—228.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024,
одобрена после рецензирования 07.03.2024,
подготовлена к публикации 15.03.2024.

Material resources

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorp.ru> (accessed 20.10.2023). (In Russ.).

References

- Boldyrev, N. N. (2023). The principle of conflict-free language communication. *Questions of cognitive linguistics*, 3: 5—15. DOI: 10.20916/1812-3228-2023-3-5-15. (In Russ.).
- Borisova, I. N. (2000). The idea of conversational dialogue in the structure of communication. In: *Cultural and speech situation in modern Russia*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Unita. 241—272. ISBN 5-7525-1112-7. (In Russ.).
- Furs, L. A. (2023). Conflict-free communication: the cognitive basis of its implementation. *Questions of cognitive linguistics*, 2: 17—23. DOI: 10.20916/1812-3228-2023-2-17-23. (In Russ.).
- Gorelov, I. N., Sedov, K. F. (2001). *Fundamentals of psycholinguistics*. Moscow: Labyrinth. 304 p. ISBN 5-87604-141-6. (In Russ.).
- Gumperz, J. J. (2001). Interactional Sociolinguistics: A Personal Perspective. In: *The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd. 215—228.
- Hoffman, E. (2009). *The ritual of interaction: Essays on face-to-face behavior*. Moscow: Smysl. 309 p. ISBN 978-5-89357-276-6. (In Russ.).
- Hoffman, I. (2003). *Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience: Translated from English*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 752 p. ISBN 5-93947-011-4. (In Russ.).

- Hoffman, I. (2000). *Presenting oneself to others in everyday life*. Moscow: CANON-press-C, "Kuchkovo field". 304 p. ISBN 5-93354-006-4. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2008). *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Moscow: LKI Publishing House. 288 p. ISBN 978-5-382-00698-7. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremenna. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2007). *Language keys*. Volgograd: Paradigm. 520 p. ISBN 978-5-903601-03-5. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2021). *Linguistic plasticity of communication: monograph*. Moscow: Gnosis. 536 p. ISBN 978-5-94244-077-0. (In Russ.).
- Khabermas, Yu. (2022). *Theory of communicative activity*. Moscow: The Whole world. 880 p. ISBN 978-5-7777-0856-4. (In Russ.).
- Olyanich, A. V. (2004). *Presentation theory of discourse: monograph*. Volgograd: Paradigm. 507 p. (In Russ.).
- Prokhorov, Yu. E., Sternin, I. A. (2007). *Russians: communicative behavior*. Moscow: FLINT. 328 p. ISBN 978-5-89349-812-7. (In Russ.).
- Sedov, K. F. (2004). *Discourse and personality: the evolution of communicative competence*. Moscow: Labyrinth. 317 p. ISBN 5-87604-031-2. (In Russ.).
- Tarasov, E. F. (1977). The place of speech communication in a communicative act. In: *National-cultural specificity of speech behavior*. Moscow: Nauka. 67—95. (In Russ.).

*The article was submitted 09.02.2024;
approved after reviewing 07.03.2024;
accepted for publication 15.03.2024.*